

15-го Іюня

№ 12.

1865 года.

І. РАСПОРЯЖЕНІЯ СВЯТЪЙШАГО СЪНОДА.

Согласно представленію его высокопреосвященства, Димитрія архієпископа херсонскаго и одесскаго, профессоръ Богословія и настоятель церкви при новороссійскомъ университетѣ, *Михаилъ Павловскій* уволенъ въ отпускъ за границу, въ Германію и Францію, для леченія минеральными водами, срокомъ отъ 1-го іюня по 12-е сентября сего года.

— Города Очакова Николаевскаго собора церковному старостѣ, очаковскому мѣщанину *Григорію Стацюръ*, согласно представленію его высокопреосвященства, Димитрія архієпископа херсонскаго и одесскаго, за долговременную и усердную службу въ должности церковнаго старосты и значительное приращеніе церковныхъ и въ особенности свѣчныхъ доходовъ, преподано благословеніе Святѣйшаго Снода, съ выдачею установленной для сего грамоты.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Воспитанникъ херсонской Семинаріи, окончившій курсъ, *Григорій Михайловскій* рукоположенъ во священника къ церкви Богоматери — Радости всѣхъ скорбящихъ, въ г. Николаевѣ.

— Уволенный изъ духовнаго званія, дьячекъ *Василій Добровольскій* принять обратно въ духовное званіе.

— Одесской Петропавловской единовѣрческой церкви церковный староста, одесскій купецъ *Аванасій Соколовъ*, по окончаніи трехлѣтней его старостинской службы избранный вновь прихожанами и причтомъ сей церкви въ церковные старосты, утвержденъ въ сей должности на второе трехлѣтіе.

— Успенской церкви селенія Незавертайловки, діаконь *Федоръ Ивановъ*, за смертію, исключенъ изъ списковъ.

III. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

а) О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ:

Херсонскаго уѣзда, жители селенія Золотой Балки пожертвовали въ свою приходскую церковь Вознесенія Господня два колокола, стоящіе 230 рублей 50 коп., и сребропозлащенный крестъ, стоящій 50 руб.; всего на сумму — 280 руб. 50 копѣекъ.

Отставной коллежскій регистраторъ *Герасимъ Григорьевъ* пожертвовалъ въ Свято-Алексіевскую церковь г. Николаева серебряный позлащенный ковчегъ, вѣсомъ 5 фунтовъ и 10 золотниковъ; напрестольный крестъ серебряный позлащенный, вѣсомъ 2 фунта и 41 золотникъ; серебряныя позлащенные ризы для четырехъ мѣстныхъ иконъ, въ которыхъ серебра 47 фунтовъ 70½ золотниковъ; всѣ сіи вещи стоятъ — 2,307 руб. 66 коп.

б) О ВАКАНТНЫХЪ МѢСТАХЪ.

ПРАЗДНЫ МѢСТА :

Протоіерейское — въ городѣ Тирасполѣ при Николаевскомъ соборѣ.

Священническія : въ городѣ Херсонѣ, при единовѣрческой Богородичной церкви; александрійскаго уѣзда : въ селеніи Золотаревкѣ, при Ильинской единовѣрческой церкви; въ селеніи Зыбкомѣ, при Покровской единовѣрческой церкви; бобринецкаго уѣзда, въ селеніи Жевановкѣ, при Михайловской церкви.

Дьяковское — въ городѣ Херсонѣ, при Николаевской церкви тюремнаго замка.

Пономарскія : въ г. Одессѣ, при Воскресенской средне-фонтанской церкви; въ г. Елисаветградѣ, при церкви Владимірской Богоматери; херсонскаго уѣзда — въ селеніи Николаевкѣ, при Михайловской ц.; въ с. Касперо-Николаевкѣ,

при Николаевской ц.; бобринецкаго уѣзда, въ селеніи Петроостровѣ, при Преображенской ц.; въ селеніи Николаевѣ, при Благовѣщенской ц.; александрійскаго уѣзда: въ селеніи Долиной Камянкѣ, при Михайловской церкви; въ селеніи Васильевѣ, при Васильевской ц.

ПОУЧЕНИЕ

ВЪ ДЕНЬ ПОМИНОВЕНІЯ БЛАЖЕННАГО ПАТРИАРХА ГРИГОРІЯ V-го.

Ты убо злопостражди яко добръ воинъ Хри-
стовъ. 2 Тим. П. 3.

Такъ, бр., писалъ св. апостоль Павелъ ученику своему Тимоѳею, епископу Ефеса; т. е. какъ бы такъ говорилъ великій учитель языковъ: «чадо! знай, что св. Евангеліе Христово не для всѣхъ будетъ сладчайшею вѣстію мира и спасенія, какою оно должно быть для всякаго чистаго сердца. Напротивъ, оно будетъ для многихъ предметомъ пререканій: противъ него вооружится плоть съ своими страстями, міръ съ своими лукавыми обычаями, адъ со всѣми своими силами и кознями. Но ты, возлюб. сынъ, стой непоколебимо, *проповѣдуй, обличай, настой, страдай* вмѣстѣ съ св. истиною, словомъ: *буди въренъ* Христу и Его св. Церкви до конца; вѣнецъ правды, уготованный любящимъ Господа, будетъ воздаяніемъ твоимъ». Богомудрый Тимоѳей, и вслѣдъ за нимъ всѣ ученики апостольскіе, полные силы и ревности св. наставниковъ своихъ, дѣйствительно, съ радостію текли на страданіе за Евангеліе и спасеніе душъ христіанскихъ. «Постарайтесь, писалъ напр.

св. Игнатій Богоносець паствѣ своей, никакъ не хотѣвшей допустить его до мученической кончины, — постарайтесь, чтобы я былъ принесенъ въ жертву Богу... Умоляю васъ, пусть любовь ваша ко мнѣ не будетъ безвременна, оставьте меня быть пищею звѣрямъ. Тогда я буду истинный ученикъ Исуса Христа, когда міръ не увидитъ даже и тѣла моего». Съ такою же крѣпкою, яко смерть, любовію положили жизнь свою за Сладчайшаго Исуса Стефаны, Поликарпы, Кипріаны, Діонисіи, Іустины и весь сонмъ священномучениковъ первыхъ вѣговъ христіанства.

Но Исусъ Христосъ, бр., *вчера и днесъ, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8); духъ всесильной благодати Его пребывалъ, пребываетъ и будетъ пребывать въ Церкви православной до скончанія вѣка неизмѣнно. Ибо что мы видѣли и въ нашемъ грѣшномъ 19 столѣтіи, въ лицѣ ублажаемаго нами нынѣ священномученика патріарха Григорія и прочихъ пострадавшихъ съ нимъ святителей: Діонисія Ефесскаго, Аѳанасія Никомидійскаго, Евгенія Анхіальскаго и др.?... Предъ нами какъ-бы воскресли Игнатій, Поликарпы, Діонисіи, для утѣшенія и укрѣпленія озлобленныхъ, всячески угнетенныхъ чадъ крестоносной Церкви Востока. Ахъ, почему мы не одарены хотя искрою того могучаго слова, какимъ за 38 лѣтъ изображалъ, съ сего же священ. мѣста, мученическіе подвиги іерарховъ незабвенный Пресвитеръ? *) Мы возобновили бы въ памяти вашей, бл. слуш., нѣкоторыя черты сихъ св. подвиговъ въ честь и славу православной вѣры нашей. Впрочемъ,

*) О. Константинъ Икономосъ, знаменитый проповѣдникъ греч. церкви, произнесъ превосходное слово въ день погребенія блаж. патріарха, а потомъ — въ день годовичнаго поминовенія святителя и его сподвижниковъ.

предметъ сей самъ по себѣ такъ трогателенъ, что и слабое напоминаніе о немъ принесетъ ревностнымъ сынамъ православія не малое утѣшеніе и назиданіе. Итакъ, вонмите.

Когда блаженный первосвятитель, въ день св. Пасхи, былъ взятъ врагами вѣры изъ патриаршаго двора, то прежде всего приведенъ былъ въ домъ одного изъ начальниковъ внутренней стражи. Здѣсь предложена была ему трапеза. Мучители боялись, чтобы доблестный старецъ, удрученный строгимъ постомъ въ теченіе св. čtyредесятницы, не утратилъ послѣднія силы свои и не лишилъ ихъ адской радости — видѣть мученика на древѣ казни. «Я вкусилъ небесной сладчайшей пици — пречистаго Тѣла и Крови, которой вы не вѣдаете, сказалъ патриархъ; я готовъ вовсе освободиться отъ узъ плоти и тлѣнія». Тогда палачи начали (уже въ темницѣ) убѣждать старца въ отреченіи отъ вѣры, угрожая, въ противномъ случаѣ, истязаніями. Святитель, едва удостоивъ ихъ отвѣта, сказалъ: напрасно вы трудитесь: патриархъ христіанскій и умретъ христіаниномъ. Наконецъ, предъ принятіемъ казни, съ тѣмъ же величіемъ и спокойствіемъ духа, возвелъ очи на небо, благословилъ вѣрующихъ и съ словами: «Господи, приими духъ мой!» пріялъ неувядаемый вѣнецъ мученическій.

Прочіе святители: Діонисій Ефесскій, Аѳанасій Никомидійскій и Евгеній Анхіальскій, во все время заключенія своего, оглашали своды темницы пѣснопѣніями и славословіемъ Господа; въ великій четвертокъ сподобились причастія св. Таинъ, а въ великій пятокъ, какъ бы вмѣстѣ съ Иисусомъ, отведены были на Голгоу — на мѣсто истязаній. Бичи, раскаленное желѣзо, все употреблено было врагами, чтобы принудить ихъ къ отступленію отъ вѣры;

но епископъ Анхіальскій Евгеній отъ лица всѣхъ сказалъ: «рубите наши члены, сокрушайте кости, сожигайте тѣла наши,—все претерпимъ съ радостію за св. вѣру...; ибо мы пастыри бѣдствующихъ христіанъ и ученики Распятаго за насъ на крестѣ. Познайте силу православія, познайте—каковъ народъ, который вы хотите устрашить».... Уже они на мѣстѣ казни... Исповѣдники, обратясь издали къ вѣрующимъ чадамъ Церкви, говорили: «прощайте, возлюб. чада и соотечественники! мы вѣру соблюли, подвигомъ добрымъ подвизались; еще одна минута — и мы соединимся на небесахъ съ св. мучениками». Особенно трогательно было прощаніе Діонисія Ефесскаго: снявъ съ персей своихъ драгоценную панагію съ св. мощами и отдавая архидакону своему, святитель сказалъ: «чадо, возьми: это только теперь мое; и потрудись раздать нищимъ вырученныя за драгоценности сіи деньги до единой лепты». Предъ самимъ же исполненіемъ надъ нимъ смертнаго приговора, исповѣдникъ говорилъ: «радуюсь въ страданіяхъ моихъ, не стыжусь осужденія моего; я вѣрую, что кончина, мнѣ предназначенная, есть лѣствица къ блаженному безсмертію. Ты же, Господи Спасителю всѣхъ! спаси народъ мой, сохрани Церковь Твою, прости убійцамъ моимъ, и прими духъ мой!» Съ сими словами блаженный іерархъ спокойно предалъ честную выю свою на удавленіе, а душу въ руцѣ Божіи *).

Ублажаемъ васъ, истинные пастыри Христовы! лобызаемъ язвы ваши, покланяемся гробамъ вашимъ; молитесь Господа, да даруетъ намъ всѣмъ духъ твердости въ исповѣданіи вѣры нашей.

*) Все это взято изъ упомянутыхъ словъ о. Икономоса,

Что показываютъ, бр., изложенныя нами событія? чему поучаютъ насъ?—Тому, что св. Церковь есть предметъ преимущественнаго промышленія Божественнаго.

Управляющей ею животворящей Духъ Святой даетъ пастырямъ Церкви: иному духъ разума къ защищенію догматовъ православія; другому духъ совѣта для отклоненія угрожающихъ Церкви бѣдствій, третьему духъ непоколебимаго мужества и рѣшимости — положить душу свою за спасеніе душъ. О, какъ спасительна для внутренняго нашего спокойствія сердечная увѣренность въ сей истинѣ! Воодушевляемые ею, мы не будемъ смущаться при видѣ того, какъ нечестивые, повидимому, торжествуютъ, и путь *не право правящихъ* слово истины благоуспѣваетъ. Нѣтъ, возлюб. бр.! Божественный Глава Церкви не даромъ пролилъ безцѣнную кровь Свою за нее; кровь Его служить для нея сѣменемъ жизни и силою къ перенесенію козней вражійхъ. Говорятъ навѣтники наши: «Церковь восточная мертва, неподвижна; нѣтъ въ ней высокихъ подвиговъ въ пользу ближнихъ. Неправда, скажемъ мы этимъ недоброжелателямъ православія; прійдите, посмотрите на гробъ нашего священномученика: развѣ это не доказательство самой высокой жизни? не Самъ ли Господь сказалъ: *больше сего любви никто же имать, да кто душу положитъ за други своя.* И такъ, бр., когда до слуха нашего доходитъ извѣстіе о тѣхъ или другихъ страданіяхъ нашихъ единовѣрцевъ на Востокѣ: будемъ съ благоговѣйною покорностію взывать: неисповѣдимы пути Твои, Господи! Буди воля Твоя, всегда благая и совершенная! Будемъ смотрѣть на Церковь страждущую со страхомъ Божиимъ, какъ Моисей смотрѣлъ на видѣнный имъ терновый кустъ горящій, но

несгораемый. Да, по истинѣ бр., св. Церковь, сущая на Востоцѣ, представляетъ величественное, богонасажденное древо, объятое отовсюду пламенемъ: проискаемъ и тайнымъ гоненіямъ противъ нея нѣтъ, повидимому, конца; но въ этой непрестанно горящей кущинѣ *есть Господь*; изъ нея глаголетъ намъ Ангель завѣта нашего, Спаситель Иисусъ. Что глаголетъ? «*Не оставлю васъ, чада, сиры! будите вѣрны, злопостраждите, яко добріи воины Мои; примите образъ Моего долготерпѣнія: терны уязвляли и Мою главу, гвозди вонзались и въ Мое тѣло, копіемъ прободасмо было и Мое ребро; но Я былъ и пребылъ послушливъ до конца — до смерти, смерти же крестныя. Вѣдайте, что гдѣ крестъ, тамъ жизнь и спасеніе.*»

Умѣйте, православные, пользоваться благодатию Божіею, хранящею св. Церковь. Это второе поученіе, слышимое нами изъ сего священнаго гроба. Да, бр. мои, мы не должны *почивать только на православіи*, но и быть на самомъ дѣлѣ православными. Ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть, а когда мы отъ дѣлъ покажемъ вѣру нашу, тогда невѣрные невольно познаютъ божественность ея. Иначе, они будутъ только глумиться надъ нами. «Чѣмъ вѣра христіанъ лучше нашей? будутъ говорить враги креста. Слышимъ только, что Евангеліе ихъ проповѣдуетъ милосердіе къ бѣднымъ, безкорыстіе, чистоту, дружелюбіе, великодушіе, покорность властямъ, уваженіе правъ человѣческихъ. Но христіане и корыстолюбивы, и мстительны, и самонаправны, горды, сладострастны, дерзки.... Это-ли вѣра, которою они такъ хвалятся?»

О, лучше, бр., не жить, чѣмъ навлекать такую хулу и нареканіе на святѣйшее имя Христа. Вооружимся всѣми

силами противъ страстей нашихъ, отвергнемъ всё *дѣла темная*, рѣшимся на всё подвиги самоотверженія,—только бы предотвратить *млаголъ злый* и поношеніе на дражайшее, священнѣйшее званіе христіанина. Всесильная благодать Божія укрѣпитъ насъ въ священной борьбѣ нашей, когда со всякимъ прилежаніемъ будемъ упражняться въ молитвѣ, размысленіи и изученіи слова Божія, въ основательномъ познаніи нашихъ обязанностей къ Богу Спасителю и ближнимъ нашимъ, въ благоговѣйномъ употребленіи св. таинствъ Церкви... Къ несчастію, лукавый духъ времени отвлекаетъ сыновъ Церкви отъ исполненія дѣлъ благочестія: то съ сатанинскою ненавистью внушаетъ неуваженіе къ св. лицамъ — строителямъ таинъ Божіихъ, то охлаждаетъ любовь къ посѣщенію храмовъ Божіихъ, къ чтенію назидательныхъ книгъ, къ слушанію пастырскихъ поученій,—то, наконецъ, представляетъ въ привлекательномъ видѣ свободу мыслей и новизны, противныя духу православной вѣры. Берегите, бр., умы и сердца ваши отъ всѣхъ обаяній духа лукаваго. Особенно тяжкая отвѣтственность падеть на насъ, сыны Россіи, если мы не съумѣемъ пользоваться счастливѣйшимъ положеніемъ нашимъ, по отношенію къ исповѣдуемой нами вѣрѣ. Взвѣчайте на ублажаемыхъ нами священномучениковъ: съ какою твердостію они противустояли кознямъ враговъ вѣры, со всѣхъ сторонъ тѣснившихъ ихъ? Они напр. съ трудомъ многими слезами вымаливали у невѣрнаго правительства позволеніе соорудить новый храмъ Божій; а у насъ повсюду, въ городахъ и въ самихъ селахъ, возвышаются св. храмы, сіяющіе золотомъ и серебромъ. Они глухимъ, робкимъ стукомъ доски давали христіанамъ знакъ къ молитвеннымъ собраніямъ; а у насъ громогласный колоколъ,

какъ труба Архангела, благовѣствуетъ, *утро, полдень и вечеръ*, время къ молитвѣ Божіей; слѣдуетъ слѣшать только въ домъ Божій и черпать струи благодати.... Пастыри страждущаго Востока лишены способовъ къ устроению училищъ, гдѣ бы юношество могло получать надлежащее образованіе въ вѣрѣ отцевъ; а мы можемъ ли жаловаться на недостатокъ средствъ къ познанію догматовъ православія? Опять, только слѣдуетъ хотѣть: животворное ученіе Спасителя преподается каждому.

Будемъ же помнить, бр., что *кому дано много, много взыщется съ него*. Пребывая подъ благотворною сѣнью благоденствующей, торжествующей Церкви, охраняемой ревностію благочестивѣйшаго Монарха нашего, мы потому самому должны приносить сугубые плоды вѣры и добрыхъ дѣлъ. Только такимъ настроеніемъ сердца, соединеннымъ съ молитвою къ Отцу Духовъ, мы дадимъ отраду и истинный покой духу почивающаго среди насъ священномученика.

Протоіерей С. Серафимовъ.

РОДИНА

блаженнаго Константинопольскаго патріарха Григорія V,
пострадавшаго въ 1821 году.

Блаженнѣйшій страдалецъ, патріархъ Константинопольскій Григорій V, почивающій въ одесской греческой церкви, родился въ мѣстечкѣ *Димицанъ*, лежащемъ въ Пелопонесской области Аркадіи. Лѣтописи Греціи показываютъ, что не одинъ подвижникъ вѣры и любви къ отечеству вышелъ изъ этого незначительнаго, по видимому, уголка Эллады. Димицана воспитала болѣе 50 святителей, изъ которыхъ каждый старался принести на алтарь отечества свою лепту, каждый посильно способствовалъ возрожденію его. Вотъ почему признательные сыны Эллады стараются съ благоговѣніемъ изучить минувшую судьбу Димицаны.

Приводимъ послѣднія извѣстія археологовъ о родинѣ преснопамятнаго святителя *).

Что за слово *Димицана*? Когда именно, въ какую эпоху мѣстечко стало называться этимъ именемъ, какому

*) См. *Εὐαγγελ. Κήρυξις*. 1864. Ноябрь. книжку.

языку принадлежить оно, какъ оно называлось въ древности?—лѣтописи умалчиваютъ. Извѣстно только, что Димицана именовалась такъ за 900 лѣтъ. Это видно изъ недавно отысканной гравюры *Монастыря философа*, строителемъ котораго былъ нѣкто *Иоаннъ Лампардопулосъ философъ*, уроженецъ Димицаны, главный секретарь императора Никифора Фоки.

Димицана лежитъ на развалинахъ другого древнѣйшаго города Аргадин, какъ показываютъ остатки пеласгическихъ стѣнъ, разбросанныя по всей окружности мѣстечка, на разстоянїи одного часа. Доселѣ сохранились обломки колоннъ; на западной сторонѣ найденъ *левъ*, стоящїй нынѣ у дверей димицанскаго училища, какъ бы символъ мощи и силы духа знаменитыхъ питомцевъ его. Въ участкѣ, именуемомъ *Полїана*, открыты древнїя гробницы съ надписями Еллинскими, къ несчастїю, уничтоженными рукою неразумныхъ домовладѣльцевъ. Одна доселѣ уцѣлѣвшая читается такъ: *πλειστάναξ χαίρε*.

Мѣстоположеніе Димицаны представляетъ сѣдлообразную каменистую возвышенность, окруженную съ трехъ сторонъ высокими горами. Полагаютъ, что она занимаетъ центръ Пелопонеса и построена на разстоянїи 2-хъ часовъ отъ деревни Фисои, при рѣкѣ *Лузіи*, превосходившей, по Павзанїю, свѣжестью своихъ водъ Дунай и Рейнъ. Отъ имени этой рѣки и до нынѣ большая часть земли Димичанъ носить названіе Луцены (*Λούτσαινα*).

«Не безъ причины наставники и ученые Димицаны, говоритъ авторъ этихъ изслѣдованїй, назвали родину блаж. Григорїя *сердцемъ* Пелопонеса. Служа съ конца 17-го столѣтїя святилищемъ грамотности, она была ядромъ и

героинею освобожденія нашего. Здѣсь безпрепятственно сѣялись сѣмена великой мысли объ изгнаніи Оттомановъ изъ Эллады». Училище димицанское, учрежденное общественнымъ иждивеніемъ, подъ руководствомъ незабвенныхъ наставниковъ его *Аганіевъ* *) и *Герасима Гуна*, проливало по всему горизонту Эллады свѣтъ образованія съ 1764 по 1821 годъ. «Въ немъ получили воспитаніе первоподвижники нашей свободы блажен. *патріархъ Григорій*, архіепископъ Палео-Патрскій *Германъ* и мног. другіе. Какъ лань стремится къ источникамъ водъ; такъ юноши, жаждавшіе свѣта науки, стремились сюда не только изъ Пелопонеса и морелюбивыхъ острововъ, какъ-то Идры и др.; но изъ многихъ мѣстъ Малой Азіи». Училище давало многимъ изъ нихъ даровое помѣщеніе въ келліяхъ, построенныхъ при немъ иждивеніемъ блажен. патріарха Григорія. Въ свою очередь ученики Димицаны учредили училища въ городахъ: Вутинѣ, Каламахъ, Аргосѣ, Андриценѣ и другихъ.

Сверхъ сихъ заслугъ димицанское училище принесло на алтарь отечества, какъ благовонную жертву, и всю свою бібліотеку, созидавшуюся въ теченіе 58-ми лѣтъ трудами тѣхъ же знаменитыхъ *Аганіевъ*, щедротами блажен. Григорія и друг. отчизнолюбцевъ. Всѣ эти драгоцѣнныя изданія ораторовъ, поэтовъ и отцевъ Церкви послужили матеріаломъ для приготовленія патроновъ ратникамъ, въ первые годы борьбы ихъ за независимость; ибо нигдѣ въ Греціи, кромѣ Димицаны, не было пороховыхъ заводовъ; а Дими-

*) Два соименные наставника оставили неизгладимую память въ димицанскомъ училищѣ.

пана имѣла 14 фабрикъ этого горючаго вещества и снабжала имъ эллинское войско.

Во вниманіе къ этому достохвальному служенію Димицаны пользамъ возраждавшагося отечества, правительства Греціи 1822, 1824, 1825, 1844 годовъ признали справедливымъ укрѣпить за димицанскимъ училищемъ въ вѣчное владѣніе имѣнія цѣлаго селенія. Съ уваженіемъ отзываясь о заслугахъ Димицаны, они заботились и о возобновленіи знаменитаго училища, пришедшаго въ ветхость, называя оное *св. купелію пакибытія Эллады, воспитателемъ славныхъ мужей, предтечей освобожденія рода*. Но эти слова остались только выраженіемъ благочестивыхъ чувствъ и желаній. Бывшее при Оттонѣ регенство не только не исполнило опредѣленій упомянутыхъ правительствъ, но и *Обитель философа*, составляющую достойніе димицанскаго училища, упразднило съ отобраніемъ имущества ея въ казну.... Посему, желательно, говоритъ нынѣшній наставникъ знаменитаго училища, чтобы почтенное правительство возлило цѣлебный бальзамъ на раны училища, возвративъ ему его древнее достояніе — *Обитель философа*. Только *такимъ образомъ* принесена будетъ дань признательности тому разсаднику, который вѣрою и правдою содѣйствовалъ возрожденію рода. Такъ почтутся тѣни пріснопамятныхъ наставниковъ училища, приложившихъ объ немъ столько заботъ. Только тогда благословенія блаженнаго Григорія почіють на всѣхъ благихъ предпріятіяхъ правительства въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія въ народѣ»....

Что же это за *Обитель философа*, о которой здѣсь такъ часто упоминается? — Вотъ что говоритъ объ ней

авторъ разсматриваемой нами статьи: «Когда, по паденіи Византійской имперіи, пала свобода Эллады, а музы переселились въ западную Европу: то хотя онѣ взяли съ собою *свѣтлую багряницу нашего рода* (т. е. сокровища науки), но любителямъ оставили нѣкія убѣжища; это монастыри на скалахъ и среди дебрей, гдѣ бы нога варваровъ-завоевателей не могла утвердиться». Въ числѣ такихъ обителей первую считается *Обитель философа*. Она построена въ царствованіе императора Никифора Фоки, въ 963 году, въ разстояніи одного часа отъ Димицаны, и названа по имени своего строителя (см. выше). До учрежденія училища въ Димицанѣ, обитель эта служила малымъ училищемъ для юношей, готовившихся къ занятію церковныхъ должностей. Наставниками были ученые монахи. Изъ найденныхъ документовъ открывается, что въ этомъ пріютѣ науки получили образованіе 25 святителей; между ними читаемъ имена Теофана и Софронія патріарховъ Іерусалимскихъ.

Въ послѣдствіи времени училище Димицаны и монастырь Философа соединились въ одно нераздѣльное братство во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ экономическомъ.

Но правительство Оттона, не отличавшееся духомъ терпимости къ убѣжищамъ богомыслия, упразднило многовѣговую обитель; тогда и училище димицанское пришло въ упадокъ. Такимъ образомъ, хотя и говоритъ св. мудрецъ: «аще узриши разумна, утренюй къ нему, и *степени* «дверей его да третъ нога твоя» *); но, видно, сыны

*) Сир. 6, 36.

вѣка сего не любятъ держаться благочестиваго правила ; водимые духомъ мудрости стихійной, земной, они желали бы изгладить самые слѣды любителей божественной мудрости *).

Прот. С. Серафимовъ.

*) На эту мысль навели насъ судьба и названіе обители: *Μονή τοῦ φιλοσόφου*.

ЖАЛОБЫ НА ПРАЗДНИКИ.

БЛАГОВѢЩЕНІЕ ПРЕСВЯТЫХЪ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ.

Праздникъ.

Такое значеніе въ нынѣшнемъ днѣ указываетъ намъ сватая наша православная Церковь: во первыхъ изъ исторіи вѣры, во вторыхъ изъ жизни по вѣрѣ. Изъ исторіи вѣры то, что въ настоящій день за 1865 лѣтъ предъ симъ, совершилось чрезъ Архангела *благовѣстіе* Пресвятой Дѣвѣ Маріи о рожденіи отъ Ней Сына Божія, Спасителя міра; изъ жизни по вѣрѣ то, что настоящій день спасенному роду человѣческому надлежитъ проводить, какъ *праздникъ*.

И вотъ, по указанію православной нашей Церкви, мы проводимъ нынѣшній день дѣйствительно какъ праздникъ, какъ день духовнаго веселія и торжества; и вотъ выраженіемъ этого нашего духовнаго веселія и торжества служить это настоящее наше собраніе въ храмѣ Благовѣщенія, для принесенія Господу Спасителю благодарственнаго служенія.

Но когда православныя чада Церкви съ такимъ духовнымъ веселіемъ совершаютъ свое празднественное торжество, обрѣтаются люди, которые снѣдаются скорбію и печалію о самомъ

установленіи праздниговъ; жалуются на весь свѣтъ, что у насъ православныхъ слишкомъ много праздниговъ, и что эти праздники служатъ виною бѣдности русскаго народа!

Неудовольствія противу праздниговъ доходили до такого озлобленія, что въ сѣверной нашей столицѣ составлялось собраніе сельскихъ хозяевъ, которые дѣлали нарочитыя за-сѣданія, для разсужденія о праздникахъ, въ духѣ и настроеніи весьма враждебномъ для праздниговъ. На помощь была призываема наука; при ея пособіи вычислено, и затѣмъ на весь свѣтъ провозглашено, что мы, съ своими праздниками, работаемъ менѣе другихъ народовъ; отстаемъ отъ нѣмцевъ на 30 дней въ году; что мы въ каждые семь лѣтъ прогуливаемъ по цѣлому году; и въ каждый годъ терпимъ ущербъ, въ нашей экономіи, на 337½ милліоновъ рублей, и т. под.

Какъ ни далеко мы живемъ отъ столицы, но и до насъ дошли враждебныя заявленія, бывшаго въ ней собранія сельскихъ хозяевъ, противу праздниговъ. А поелику и у насъ въ настоящее время идутъ толки и *разсужденія о торговль въ праздники*; то нельзя не придти къ опасенію, какъ бы кто и въ средѣ нашихъ разсуждающихъ, по увлеченію къ интересамъ торговли, не увлекся къ упомянутымъ нами враждебнымъ заявленіямъ противу праздниговъ; и чтобы, въ этомъ увлеченіи, и наши разсужденія о торговль въ праздники не высказались также односторонними и неосновательными, какъ односторонни и неосновательны разсужденія упомянутыхъ сельскихъ хозяевъ о работѣ въ праздники.

Въ чемъ односторонни? Въ томъ чтобы и мы не остановились на *однихъ* интересахъ торговли, какъ они на

однихъ выгодахъ работы, и не упустили изъ виду другого рода приобрѣтенія, на которыя указываетъ Церковь въ самомъ *установленіи праздниковъ*.

Въ чемъ не основательны? Въ томъ, чтобы, разсуждая о торговлѣ въ праздники, мы не забыли того, на чемъ у насъ *основываются* самые праздники, т. е. не забыли бы о *заповѣдяхъ Божіихъ*, которымъ учили насъ въ дѣтствѣ.

Намъ отъ Самаго Господа ввѣрено храненіе заповѣдей Божіихъ; и потому мы сочли бы себя отвѣтственными предъ Богомъ, если бы не заявили своего голоса въ охраненіе заповѣди Господней тамъ, гдѣ идутъ разсужденія, имѣющія самое близкое отношеніе къ заповѣди Господней о праздникахъ. Мы не ставимъ себя во враждебное отношеніе къ интересамъ торговли: охраненіе заповѣди Божіей чуждо таковыхъ отношеній; премудрый, всевѣдущій и всеблагій Господь, даровавшій на всѣ роды и вѣки заповѣдь о праздникахъ, никогда не имѣлъ въ виду причинять тѣмъ ущербъ нашему благосостоянію; а мы не имѣемъ въ виду другой цѣли, какъ исполнить свой долгъ относительно охраненія заповѣди Господней о праздникахъ.

Разсужденія у насъ идутъ о *торговлѣ* и вообще о *работѣ въ праздники*; слѣдовательно, въ чемъ сущность вопроса, разрѣшеніе котораго желается достигнуть разсужденіемъ? Въ томъ, слѣдуетъ ли торговать и вообще работать *въ праздники*? Не въ томъ — слѣдуетъ ли торговать и работать, или — на сколько увеличатся или уменьшатся выгоды наши отъ увеличенія или отъ уменьшенія дней рабочихъ и торговыхъ: это дѣло до того ясное, что странно было бы дѣлать засѣданія для такого разсужденія; а въ

томъ сущность вопроса, слѣдуетъ ли, не смотря на всѣ исчисленныя выгоды отъ торговли и отъ работы *въ праздники*, допускать торговлю и работу *въ праздники*? Слѣдовательно, какой *главный предметъ* для разсужденія въ возбужденномъ вопросѣ о работѣ и о торговлѣ въ праздники? Не работа и торговля съ ихъ выгодами, а *праздники*. Чтожъ? Приходило ли кому на умъ, при допущенныхъ разсужденіяхъ, вспомнить и обсудить, что это за установленіе — праздники? Что такое особеннаго въ праздникахъ, или какія отъ нихъ приобрѣтенія, что, ради праздниковъ, слѣдовало бы пожертвовать очевидными выгодами отъ торговли и отъ всякой работы?

Что же такое за установленіе — праздники?

Праздники — это установленіе не семейное, не національное, не человѣческое, а всемірное, божественное, вѣчное. Прежде нежели образовались общества, прежде нежели человѣкъ началъ жить обычною ему жизнію, праздникъ получилъ уже установленіе отъ Самаго Господа. Можно сказать что первый полный день жизни перваго человѣка на землѣ начался съ праздника. Что же это за *праздникъ*? Это извѣстный въ сказаніи о бытіи міра *седмый день*. Что же такое отличило этой седмый день отъ прочихъ и содѣлало его для человѣка праздникомъ? То, что Господь Богъ *благословилъ* седмый день и *освятилъ* его *).

Одно уже то, что Самъ Господь Богъ отличилъ седмый день отъ прочихъ особеннымъ благословеніемъ и освященіемъ, должно заставить каждаго богомыслящаго и благо-разсуждать желающаго съ уваженіемъ и благоговѣніемъ

*) Быт. 11. 3.

относиться къ этому дню съ своими разсужденіями, и не ставить въ одинъ уровень то, что Самъ Господь возвысилъ особымъ дѣйствіемъ благословенія и освященія; иначе небреженіе по дню перенесется и къ Самому Господу, установившему особенность дня.

Простремся съ нашими разсужденіями и еще далѣе: что такое *благословеніе* и *освященіе*, которыми отличилъ Господь седмый день отъ прочихъ? То, что въ седмый день Господь Богъ будетъ ниспосылать на человѣка, при извѣстныхъ условіяхъ со стороны самаго человѣка, такіе дары благодати, чрезъ которые человѣкъ будетъ освящаться, или иначе, чрезъ которые будетъ совершенствоваться его праведность и святость. Значитъ, седмый день — день праздника постановленъ въ ближайшее отношеніе къ образу и подобію Божію, который въ человѣкѣ главнымъ образомъ состоитъ въ праведности и святости. Изъ этого оказывается, что различіе шести дней отъ седмаго, по установленію Самаго Господа, приспособлено къ различенію двухъ жизней въ человѣкѣ, — изъ которыхъ одна у него по подобію всѣхъ живыхъ на землѣ существъ, или животныхъ, а другая — по образу и подобію Божію. По этому различенію шесть дней отдѣлены для удовлетворенія потребностей животной жизни въ человѣкѣ, а седмый для достиженія главнаго назначенія человѣка — быть образомъ и подобіемъ Божіимъ, и чрезъ то, путемъ постояннаго совершенства, идти къ возрастающему блаженству. Слѣдовательно движеніе истиннаго прогресса указано человѣку, какъ существу свободно-разумному, въ седмомъ днѣ, благословенномъ и освященномъ отъ Бога.

Изъ такого разсужденія оказывается, что потеря для

человѣка и ущербъ въ его благоденствіи послѣдуетъ не тогда, когда человѣкъ будетъ отличать седмый день — праздникъ отъ прочихъ дней, а когда перестанетъ отличать; и эта потеря особенно велика въ жизни христіанина, вслѣдствіе того, что благословеніе и освященіе седмаго дня, т. е. воскреснаго, несравненно возвышеннѣе въ дарахъ своихъ, нежели благословеніе и освященіе первобытное. Ибо, какое значеніе благословенія и освященія дня воскреснаго, въ отличіе его отъ прочихъ дней? То, что въ продолженіе шести дней христіанинъ, какъ коренный обитатель земной юдоли, предоставляется трудамъ, для удовлетворенія потребностямъ земной жизни; а день седмый — воскресный долженъ быть употребленъ имъ, какъ гражданиномъ неба и сожителемъ святыхъ ангеловъ, для стяжанія даровъ благодати во освященіе себя и для содѣланія себя во Іисусъ Христъ воскресшемъ, наслѣдникомъ царствія небеснаго. По этому, какую задачу берутъ на себя тѣ, которые разсужденіями своими предполагаютъ, въ жизни христіанина, низвести седмый день въ одинъ уровень съ прочими шестью? Очевидно ту, чтобы приостановить чело- вѣка — христіанина въ стремленіи его къ небу, разлучить его съ Іисусомъ Христомъ, отлучить его отъ наслѣдія царствія небеснаго.

Таковъ вопросъ о торговлѣ и вообще о работѣ въ праздники, если смотрѣть на него не односторонне — по однимъ житейскимъ выгодамъ, а разсуждать, какъ и слѣдуетъ, согласно съ *установленіемъ праздниковъ*.

Но разсуждающіе о торговлѣ и вообще о работѣ въ праздники, если хотятъ остаться вѣрующими, то не могутъ не взять во вниманіе, при обсужденіи вопроса, извѣстной

заповѣди Божіей о праздникахъ, угазываемой вѣрою. Желательно бы знать, — когда наведется справка изъ закона Божія объ этой заповѣди, — съ какаго тогда вопроса начнутся разсужденія? Если разсуждающіе дозволятъ себѣ такую свободу, что подвергнуть обсужденію самый предметъ заповѣди; то вопросъ, очевидно, будетъ такой: слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ допускать въ Воскресенье торговлю и работу? Но тогда тѣ, на которыхъ возложено охраненіе закона Божія, не вправѣ ли предложить вопросъ самимъ разсуждающимъ: кто же далъ вамъ право поставить вопросъ въ такомъ видѣ, что отвѣтъ на него можно склонить къ ниспроверженію ясной заповѣди Божіей? Развѣ, когда отъ Государя исходятъ законы, то подданные его имѣютъ право подвергать его законы обсужденію: — слѣдуетъ ли, или не слѣдуетъ допускать исполненіе повелѣнія Государя? И развѣ можетъ какой подданный, самъ собою, безнаказанно отмѣнять или переименовывать законъ? Какъ же мы, христіане, будемъ задавать себѣ вопросъ: слѣдуетъ ли, или не слѣдуетъ исполнять заповѣдь, данную Богомъ, тѣмъ паче покушаться на ея отмѣненіе или переименованіе? —

Иное дѣло, если бы самая заповѣдь была не ясна; и тогда развѣ неизвѣстно православнымъ, кому поручено отъ Господа объясненіе Его заповѣдей? Но послушайте, какъ ясна заповѣдь Божія о седмомъ днѣ, который у насъ, христіанъ, есть Воскресенье; и когда я буду произносить эту заповѣдь, то прошу припомнить, что ее произносилъ Самъ Господь, при громахъ и молніяхъ и при звукѣ трубномъ, потрясающемъ Синай, и произносилъ такъ: *помни день субботный, чтобы святить его. Шестъ дней работай, и*

дѣлай въ нихъ всякія дѣла свои, а день седмый, суббота, Господу Богу твоему. Еще ли не ясно запрещеніе въ седмый день всякой работы и полевой и торговой? Послушай и еще, что далѣе затѣмъ прибавляетъ Господь: *не дѣлай въ оный, т. е. седмый день, никакой работы: потому что Господь благословилъ и освятилъ этотъ день.* Еще ли не убѣдительно? Но неужели для христіанъ потребны тѣ убѣжденія, которыя Господь Богъ вынужденъ былъ изрекать въ прещеніяхъ жестоковѣйному народу Іудейскому? Если же кто нуждается въ этихъ убѣжденіяхъ, тотъ пусть выслушаетъ далѣе, что говоритъ Господь въ охраненіе Своей заповѣди о праздниѣхъ: *Соблюдайте субботу: ибо она свята для васъ; кто осквернитъ ее, тотъ да будетъ преданъ смерти: ибо кто станетъ въ оную дѣлать дѣло, та душа должна быть истреблена изъ среды народа своего. Шестъ дней пусть дѣлаютъ дѣло; а день седмый суббота покоя, посвященная Господу: всякій, кто дѣлаетъ дѣло въ день субботный, да будетъ преданъ смерти *).*

Послѣ такого яснаго запрещенія и прещенія Божія относительно всякой работы въ седмый день — воскресный, какія еще могутъ быть благомыслящія разсужденія, и подѣ какимъ предлогомъ? Не подѣ тѣмъ ли, чтобы пересмотрѣть заповѣдь Божию вновѣ и обсудить объ ея обязательности? Берегитесь! Только начните пересматривать заповѣдь *четвертую*, съ вопросомъ: должно ли или не должно работать и торговать въ седмый день, какъ на очередь выставится, и можетъ быть у дѣтей нашихъ, *пятая*

*) Исх. XXXI, 14—17.

заповѣдь, съ подобнымъ вопросомъ: должно ли или не должно почитать родителей? А тамъ прислушаются наши довѣренныя, и выставляютъ на очередь *осьмую* заповѣдь, съ своимъ вопросомъ: должно ли или не должно красть? Но и этимъ не удержится разрушенная ограда закона Божія; найдутся люди, которые пойдутъ далѣе — во внутрь семейныхъ отношеній, — люди съ прогрессомъ эмансипаціи женщинъ не запнутъ выставиться съ вопросомъ и по *седмой* заповѣди: должно ли или не должно прелюбодѣйствовать? Какой возмутительный вопросъ! А не такой же ли вопросъ и о четвертой заповѣди: должно ли или не должно работать въ седмый день? Ибо развѣ не одинъ и тотъ же Господь далъ заповѣдь четвертую и седмую? И съ какимъ прещеніемъ далъ! *Кто, сказано, будетъ дѣлать дѣло въ субботу, та душа должна быть потреблена изъ среды народа своего.*

Иное дѣло, когда мы по неосмотрительности, по неразумію, по увлеченію, нарушаемъ четвертую заповѣдь, какъ и другія, — это грѣхъ, въ которомъ, если принесемъ покаяніе, проститъ намъ Господь, но вдаваться въ разсужденія, дѣлать засѣданія съ намѣреннымъ противленіемъ заповѣди Божіей, съ мыслию положить рѣшеніе къ ея переименованію, или отмѣненію, — что это какъ не возстаніе противу Давшаго заповѣдь?

Не говоримъ, чтобы заповѣдь Божія исключала возможность всякаго разсужденія; напротивъ разсуждать о четвертой заповѣди Божіей, въ особенности въ нынѣшній вѣкъ, непременно нужно, но о чемъ? О томъ, какъ исполнить эту заповѣдь; какъ достигнуть того, чтобы седмый день — воскресный и другіе праздники, въ жизни нашей

дѣйствительно были благословенными отъ Бога и святыми, какъ достигнуть того, чтобы всѣ христіане приходили въ эти дни въ храмъ Божій, для освященія себя и для изнесенія изъ него въ дома наши благословенія Божія, чтобы въ домахъ своихъ занимались дѣлами душеспасительными; чтобы воскресные и праздничные дни не посрамлялись у насъ—въ одной средѣ пьянствомъ и безчиніями, въ другой—играми, гуляньями и зрѣлищами не въ духѣ христіанскомъ? Вотъ для какихъ разсужденій ожидалось бы отъ умныхъ и дѣловыхъ христіанъ собранія и засѣданія.

Но довольно о разсужденіяхъ; обратимся къ обвиненіямъ, которымъ подверглись праздники Господни отъ собранія сельскихъ хозяевъ, и которымъ могутъ и еще подвергаться они отъ сочувствующихъ ихъ враждебному настроенію противу праздниковъ.

И во первыхъ, что сказать объ этихъ вычисленіяхъ науки, на основаніи которыхъ, православный русскій народъ, за соблюденіе праздниковъ (ибо въ вычисленіе вошли не одни пьянствующие въ праздники, а и всѣ благоговѣйно провождающіе праздники), обвиняется въ ущербъ 337½ милліоновъ рублей по политической экономіи? Тѣ, которымъ приличнѣе разбирать такого рода вычисленія, успѣли указать довольно отчетливо, въ какой средѣ наиболѣе допускается трата времени, а за нею ущербы по экономіи. Что же касается до насъ, которые разбираемъ вопросъ о праздникахъ, какъ о предметѣ вѣры, то мы съ своей стороны, желали бы обратить вниманіе ревнующихъ о благоденствіи Россіи на ущербы другого рода, которые восходятъ иногда до изумляющей цифры, — и подумать, какъ предотвратить эти ущербы. Какіе? А сколько ежегодно терпится ущерба

въ хозяйствѣ луговомъ, полевомъ, садовомъ и другихъ подобныхъ, по всей обширной полосѣ Россіи, отъ бездождія и засухъ, отъ безведрія и отъ наводненій; отъ града и отъ безвременныхъ морозовъ, отъ червей и отъ саранчи? Сколько при всѣхъ другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ хозяйства, причиняется убытковъ отъ пожаровъ, которые съ нѣкотораго времени замѣчательно какъ стали умножаться? Сколько отнимается рабочихъ рукъ, во время самое жаркое для работы, по недѣлямъ и по мѣсяцамъ, отъ болѣзней и изнуреній? Какъ разстроивается на нѣсколько лѣтъ хозяйство отъ повальныхъ болѣзней и отъ падежа скота, и т. п.

Но какое, скажутъ намъ, все это имѣетъ отношеніе къ праздникамъ? Укажемъ сначала на отношеніе всѣхъ этихъ бѣдствій, какъ казней Божіихъ, вообще къ нарушенію заповѣдей Божіихъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и четвертая заповѣдь о праздникахъ, и попросимъ выслушать объ этомъ не нашъ, а судъ Божій! *Если ты, говоритъ Господь, не будешь слушаться голоса Господа Бога твоего, не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его и уставы Его, то придутъ на тебя всѣ проклятія сіи, и постижутъ тебя. Пошлетъ на тебя Господь смятеніе и скудность во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ. Прильпнѣтъ къ тебѣ Господь чуму: поразитъ тебя Господь чашоткою, и горячкою, и лихорадкою, и воспаленіемъ, и засухою и палящимъ вѣтромъ и пожелтеніемъ растеній. Если ты не будешь слушаться голоса Господа Бога твоего и исполнять всѣ заповѣди Его и уставы Его, то поразитъ тебя Господь сумашествіемъ и слѣпотою и тупоуміемъ. Сѣмянъ много вынесешь въ поле, а соберешь*

*мало: потому что поѣсть ихъ саранча. Виноградники будешь садить, а вина не будешь пить, и не соберешь ягодъ, потому что поѣсть ихъ червь *)*. А вотъ какое отношеніе имѣють казни Божіи къ четвертой заповѣди о праздникахъ, и въ частности — пожары, особенно въ нынѣшнее время постигающіе Россію: *и будетъ, говоритъ Господь чрезъ пророка, если вы не послушаете Меня въ томъ, чтобы святить день субботный и не носить ношъ въ день субботный; то возжгу огонь во вратахъ града, и пожретъ чертохи Іерусалима, и не потухнетъ **)*.

Странное недоуміе! Всякой простолюдинъ знаетъ по опыту, что одна молитва, принесенная съ вѣрою во время гибельной засухи, низводила обильный дождь, напоевающій землю, совершала чудеса благодѣяній; и усиливаются не допустить православнаго, чтобы онъ при наступленіи праздника пришелъ въ церковь и испросилъ у Господа, подателя всѣхъ благъ, благословенія на труды оконченные и на укрѣпленіе силъ своихъ для дальнѣйшихъ трудовъ.

Но допустимъ, что при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, отъ работы православнаго русскаго народа во всѣ праздники года, получилось бы по исчисленію науки, пріобрѣтенія въ 337½ милліон. руб. А обдумано ли, какое неоцѣненное сокровище — не въ милліоны или милліарды рублей, — а въ собственномъ смыслѣ неоцѣненное сокровище, должно затратиться работою въ праздники, на пріобрѣтеніе этихъ 337½ милліоновъ рублей? Какое? То, которое обѣщано Господомъ по самому установленію праздни-

*) Второз. XXVIII.

***) Іерем. XVII. 27.

говъ, и которое ниспосылается отъ Господа именно тогда, когда человѣкъ, оставляя работы, посвящаетъ эти дни Господу Богу своему, — *благословеніе* и *освященіе*, а чрезъ нихъ спасеніе души и царство небесное. Говорю: — неоцѣненное сокровище должно затратиться: ибо послушайте, какъ Самъ Господь оцѣнилъ душу человѣка, искупленную Имъ Самимъ неоцѣненною Его кровію. *Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душу своей поведетъ* *)? Слѣдовательно на счетъ чего собраніе сельскихъ хозяевъ домогается пріобрѣсти политической экономіи 337½ милліоновъ рублей? Увы! на счетъ спасенія, по исчисленію науки, 30-ти милліоновъ душъ православнаго русскаго народа! Страшная экономія! Такъ и звучить въ этихъ трехсотыхъ и тридцатыхъ цифрахъ *цѣна неоцѣненнаго* **).

Правда, собраніе сельскихъ хозяевъ по видимому не отвергаетъ совершенно праздниковъ (хотя цифры вычислений показываютъ иное), а только жалуется, что у насъ православныхъ слишкомъ много праздниковъ, гораздо болѣе, нежели у Нѣмцевъ. Чтожь? Не намегаютъ ли члены собранія на то, чтобы у насъ, какъ у Нѣмцевъ введена была лютеранская вѣра, безъ праздниковъ?

Впрочемъ, разберемъ самую жалобу на умноженіе у насъ праздниковъ, и переведемъ слово этой жалобы на языкъ болѣе понятный. Что такое праздники? Со стороны Бога — это суть видимыя знаменія благословеній Божіихъ, потому что всѣ праздники установлены въ ознаменованіе благодареній Божіихъ. Со стороны нашей, праздники суть

*) Марк. VIII. 316.

***) Мат. XXVII. 10.

выраженіе благодарности и дань служенія Господу Богу за Его къ намъ благодѣянія. Чѣмъ же теперь не довольно, и на что жалуется собраніе сельскихъ хозяевъ? На то ли, что на насъ православныхъ, за нашу вѣрность къ православной вѣрѣ, Господь изливаетъ болѣе благословенія, въ Его къ намъ благодѣянійхъ, нежели на Нѣмцевъ? Или на то, что мы православные чрезъ мѣру много оказываемся благодарными Господу Богу установленіемъ праздниковъ и служеніемъ Ему во дни праздниковъ? И въ томъ и въ другомъ случаѣ какъ горько слышать такія жалобы!

Вотъ до чего доходятъ и дойдутъ всѣ, которые, увлекшись односторонностію земныхъ выгодъ, забываютъ Слово Спасителя: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* *). Аминь.

(Из Иркутскихъ Епарх. Вѣдом.)

*) Мат. VI. 36.

ХРИСТИАНСТВО ВЪ КИТАѢ.

IV.

Какова была судьба Христианской вѣры въ Китаѣ съ 1368 г., когда изгнаны были изъ этого государства католическіе миссіонеры, до конца XVI вѣка, когда проникли туда Іезуиты, — объ этомъ не сохранилось подробныхъ извѣстій. Безъ сомнѣнія, христіанство, вслѣдствіе долговременнаго гоненія, не могло имѣть новыхъ успѣховъ въ Китаѣ; напротивъ, презираемое и преслѣдуемое, безъ пастырей и учителей, оно должно было значительно сократиться въ числѣ своихъ послѣдователей и утратить чистоту своего ученія, смѣшиваясь постепенно съ языческими суевѣріями и заблужденіями. И дѣйствительно, въ 1581 году, Іезуиты, прибывъ въ Китай, хотя и нашли тамъ многочисленную секту Ксеки-ао, т. е. Креста *), но послѣдователи ея — древніе христіане до того погрязли въ языческихъ суевѣріяхъ, что ихъ съ трудомъ можно было отличить отъ язычниковъ.

*) Vid. Andreae Mulleri. «Chataia» p. 58.

Причиною этого упадка христіанства въ Китаѣ было между прочимъ и то, что вниманіе христіанской Европы въ этотъ періодъ времени было отвлечено въ другую сторону. Не смотря на то, что Папы, до конца XV вѣка, не теряли изъ виду Китая и послѣ изгнанія намѣстниковъ ихъ оттуда, назначая постоянно титулярныхъ архіепископовъ Камбульскихъ и все—Китайскихъ — общественное вниманіе Европы въ сей странѣ, такъ сильно возбужденное въ концѣ XIII го и въ XIV-мъ вѣкѣ, въ это время, т. е. въ продолженіе XV вѣка, совершенно ослабѣло. «Въ продолженіе XV вѣка, говоритъ миссіонеръ Гюкъ, сообщенія были прерваны, и мало-помалу совсѣмъ потеряли изъ виду Китай и Зипангри (Cathay et Zirantri), которымъ такъ занято было воображеніе Западныхъ во время появленія любопытныхъ извѣстій благороднаго Венеціанца Марка Паоло. Дошли до того, что даже усумнились въ существованіи этихъ главныхъ государствъ, и согласились считать за басни все то, что рассказывалъ объ нихъ этотъ знаменитый путешественникъ *). Даже въ самыхъ Папскихъ усиліяхъ и миссіяхъ въ отношеніи къ Китаю замѣчается какъ бы нѣкоторый перерывъ. Ибо послѣдній изъ титулярныхъ архіепископовъ Китайскихъ посланъ на Востокъ въ 1462 году **), а лезуиты пришли въ Китай въ 1581 году.

Такимъ образомъ, какъ выражается Гюкъ ***), «нужно было снова открывать Китай». Честь эта принадлежитъ Португальцамъ. Эти смѣлые мореплаватели, взявъ направленіе

*) L'Empire Chinois, par M. Нис. Paris. 1857, Chap. IV.

**) См Труд. К. А. Кн. 3, стр. 169. Изд. 1860 г.

***) Ibidem.

къ югу, достигли мыса Бурь (такъ называется Гюгъ мысъ Добрая Надежды), обогнули его и прибыли въ Индію такою дорогою, по которой дотоле не проходилъ ни одинъ корабль *).

Утвердившись въ Индіи и на ближайшихъ островахъ, Португальцы узнали отъ прїѣзжихъ въ Индію Китайцевъ о выгодной съ ними торговлѣ, рѣшились, во чтобыто ни стало, войти съ ними въ торговыя сношенія и достигли того слѣдующимъ образомъ: «Въ 1517 году вице-король города Гоа (de Goa) **) отправилъ въ Кантонъ восемь судовъ (или кораблей) подъ начальствомъ Фернанда д'Анрады (Fernand d'Andrada), принявшаго на себя титулъ посланника. Андрада, будучи характера кроткаго и ласковаго (doux et liant), умѣлъ прїобрѣсть дружбу вице-короля Кантонскаго, заключилъ съ нимъ выгодный коммерческій трактатъ, и такимъ образомъ началъ вводить Китай въ сношенія съ Европою ***).

Черезъ нѣсколько времени Португальцы оказали Китаичамъ великую услугу тѣмъ, что захватили въ плѣнъ одного знаменитаго пирата, который съ давнихъ поръ опустошалъ морскіе берега. Въ благодарность за эту услугу, Китайскій императоръ позволилъ Португальцамъ поселиться

*) L'Empire Chinois, par H. Huc. Paris. 1857. Chap. IV. Васко де-Гама объѣхалъ первый разъ Африку около мыса Добрая Надежды, еще въ 1469 году; на Малабарскомъ берегу Португальцы утвердились не раньше 1510 года. См. Тр. К. А. 1860 г. Ка. 4, стр. 244.

**) Goa, grande et forte ville d'Asie, sur la côte de Malabar dans la presqu'île en-de-çà du Gange. Voy. Encycl. Method. Geogr. modern.

***) См. L'Empire Chinois, par M. Huc.

на островѣ, лежащемъ у береговъ Китая и образуемомъ нѣсколькими бесплодными скалами. На этомъ мѣстѣ они построили городъ Макао, который долгое время былъ единственнымъ складочнымъ мѣстомъ для торговли Европейцевъ съ Небесною Имперіею. Теперь отъ города Макао, продолжается г. Гюкъ, остались только воспоминанія. Англійскія учрежденія Гон-Конга (Hong-kong) нанесли ему смертельный ударъ; отъ прежняго благоденствія его остались теперь только прекрасные дома безъ жильцевъ и, быть можетъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, европейскіе корабли, проходя мимо полуострова, на которомъ возвышалась величавая и богатая Португальская колонія, увидятъ только голые, пустынные утесы, печально омываемые волнами, и Китайскій рыбакъ придетъ туда сушить свои черныя сѣти. Но миссіонеры и тогда будутъ съ любовію посѣщать его развалины, потому что имя Макао всегда будетъ славно въ исторіи распространенія вѣры. Тамъ, какъ въ горницѣ тайной вечери (сепаслѣ), въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ образовались многіе проповѣдники-миссіонеры, которые шли потомъ проповѣдать Евангеліемъ Китай, Японію, Кохинхину и Тонкинъ *). Такъ утвердились Португальцы въ Макао!...

Въ то время когда Церковь Западная испытала уже удачи и неудачи при введеніи христіанства въ Китай, свѣтъ вѣры Христовой приближался мало-помалу къ этой многолюдной странѣ съ другаго конца земнаго шара — съ сѣвера изъ Азіятской Россіи.

Сношенія Россіи вообще съ Китайскою имперіею начались, спустя немного послѣ погоренія Сибири, именно

*) Ibidem.

съ 1567 года, въ царствованіе Ивана Васильевича. Цѣль ихъ была — утвердить выгодныя, торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ. Для этой цѣли царскіе гонцы, или посланники, ѣздили въ Китай представляли Китайскому императору дары и грамоты Московскихъ государей, въ которыхъ изъяснялось царское желаніе быть въ мирѣ и согласіи съ Богдыханами. Ханы согласились на эти желанія, и съ своей стороны вручали отъѣзжавшимъ гонцамъ зазывныя торговыя грамоты и дары Россійскимъ монархамъ.

Вслѣдъ за торговыми сношеніями Россіи съ Китаемъ, по утвержденіи Русскихъ въ Сибири, началось естественное стремленіе ихъ къ распространенію на югъ — по направленію къ рѣкѣ Амуру. Первые свѣдѣнія объ этой рѣкѣ и объ одномъ изъ притоковъ ея — Зеѣ получены были отъ Тунгусовъ Томскими казаками, зашедшими за Байкаль, для сбора ясака, около 1636 года. Черезъ нѣсколько времени новыя свѣдѣнія о верхнемъ Амурѣ и о Дауріи получены были Енисейскими казаками. Въ 1643 году воевода якутскій Петръ Головинъ отправилъ въ Даурію письменнаго голову Василя Пояркова, съ 130 казаками, для обозрѣнія и покоренія страны. Поярковъ перешелъ Алданъ, одинъ изъ притоковъ Лены, и проникъ въ горы, отдѣляющія систему водъ Амура отъ водъ Сѣверной Сибири. Здѣсь онъ остановился на нѣкоторое время, среди мирныхъ племенъ, занимавшихся земледѣліемъ и безъ труда согласившихся на платежъ дани мѣхами. Узнавъ объ одномъ укрѣпленіи, расположенномъ на рѣкѣ Селенгѣ, Поярковъ послалъ туда 50 казаковъ; но Даурцы принудили ихъ возвратиться. Въ 1644 году Поярковъ самъ прошелъ по рѣкѣ Зеѣ до самаго Амура и потомъ пошелъ внизъ по

рѣкъ почти до самаго устья. Перезимовавши среди кочующаго племени Гиляковъ, съ которыхъ успѣлъ собрать множество соболей, онъ весною вышелъ въ Охотское море, и возвратился въ Якутскъ сухимъ путемъ, прошедши такимъ образомъ сѣверъ Сибири. Всѣ племена, здѣсь обитавшія, были такъ миролюбивы и слабы, что Пояркову ничего не стоило заставить ихъ платить дань. По возвращеніи въ Якутскъ, онъ объявилъ, что съ 300 человекъ онъ берется завоевать для Россіи всю долину Амура. Но этихъ 300 человекъ ему не дали, а послали только, и то уже въ 1649 году, 70 человекъ; экспедиція кончилась ничѣмъ. Тогда вызвался новый охотникъ идти въ Даурію — Ерофей Хабаровъ, промышленникъ изъ Сольвычегодска. Онъ ничего уже не требовалъ отъ правительства, а просилъ только дозволенія набрать на свой счетъ 150 человекъ и съ ними отправиться на покореніе Дауріи. Это было ему дозволено. Весною 1650 года съ сотнею удалцовъ, онъ явился при слияніи Шилки и Аргуни, составляющихъ Амуръ. Спустившись немного внизъ по Амуру, онъ нашелъ укрѣпленіе со рвомъ и башнями, и рѣшился овладѣть имъ. Оказалось, что на это и не нужно было ни малѣйшаго труда: городъ былъ пустъ. Спускаясь по Амуру далѣе, Хабаровъ нашелъ, неподалеку одинъ отъ другаго, еще четыре города, также пустыхъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ узналъ, что по всей Дауріи уже заранѣе разнеслась молва, что идутъ сибирскіе казаки для избіенія туземцевъ, и жители отъ страха разбѣжались изъ городовъ. Въ дальнѣйшемъ пути своемъ Хабаровъ убѣдился, что обитателей этой страны не слишкомъ легко покорить и заставить платить ясакъ. Они все признавали себя данниками великаго владѣльца Богдойскаго.

Хабаровъ увидѣлъ, что для дальнѣйшаго утвержденія въ странѣ необходимо пособіе со стороны правительства. Поэтому онъ отправился въ Якутскъ и объявилъ здѣсь воеводѣ Францбекову, что Даурская страна обильна и богата, что она прибыльнѣе цѣлой Сибири, но для окончательнаго водворенія въ ней надобно дать ему 6,000 человекъ. Воевода могъ дать ему только 20 человекъ, да двѣ пушки. Хабаровъ опять сталъ скликать охотниковъ; опять набралась сотня съ небольшимъ, и съ этой горстью людей нашъ авантюристъ снова отправился на покореніе Дауріи. Теперь однако путь его былъ уже гораздо труднѣе, чѣмъ въ первый разъ: изъ Дауріи дошла вѣсть о казакахъ до Богдойской столицы, стоявшей на рѣкѣ Ононѣ, впадающей въ Амуръ. Владѣлецъ Богдойскій Шамшаканъ, бывшій въ сущности намѣстникомъ Китайскаго Богдыхана, рѣшился защищать Даурію, и Хабарову пришлось брать приступомъ тѣ города, которые онъ въ прошломъ году нашелъ пустыми. Это, впрочемъ, не остановило Хабарова. Подъ Албазинымъ онъ разбилъ сильнаго Даурскаго князя Левкая, и этимъ такъ напугалъ остальныхъ князьковъ, что они всѣ въ страхѣ бѣжали къ низовьямъ Амура. Хабаровъ преслѣдовалъ ихъ, владѣнія ихъ обложилъ ясакомъ, въ обезпеченіе взялъ отъ нихъ аманатовъ, и къ 1652 году вся страна была завоевана.

Таковы были первоначальныя наши дѣйствія на Китай!.. Завоеванія эти впрочемъ были возвращены въ послѣдствіи Китайцамъ и только уже въ наше время этотъ край пріобрѣтенъ снова *).

*) См. Современ. 1858 г. № X. Октябрь; стр. 266—267. Снес. Сынъ Отечества 1848. Кн. 9. Подвиги Русскихъ на Амурѣ въ 17 столѣтіи.

По усиліямъ Хабарова предположено было отправить изъ Москвы на Амуръ 3,000 стрѣльцовъ и даже назначень былъ начальникъ экспедиціи князь Лобановъ-Ростовскій. Но дѣло это, какъ-то замялось. Стрѣльцы не были посланы. Только какой-то дворянинъ Зиновьевъ явился изъ Москвы на Амуръ, съ полномочіемъ управлять новопокореннымъ краемъ. Онъ на первыхъ же порахъ поссорился съ Хабаровымъ и отправилъ его въ Москву. Безъ Хабарова дѣла пошли хуже. Сначала Русскіе имѣли нѣкоторые успѣхи и въ 1655 г. разбита была десяти тысячная армія Китайцевъ съ 15 пушками, а въ 1658 г. заложенъ былъ городъ Нерчинскъ, но въ то же время казаки потеряли значительный уронъ въ сшибкахъ съ Китайцами и были отѣснены назадъ, вверхъ по Амуру. На нѣкоторое время они укрѣпились было въ Албазинѣ; но Богдыханъ послалъ на нихъ 10,000 войска, противъ котораго не могъ устоять Албазинскій гарнизонъ, состоявшій изъ 450 человекъ. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ въ разное время бывшихъ стычекъ козаковъ съ Китайцами, заключень былъ въ 1689 г. 27 августа *Нерчинскій трактатъ* Федоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, посланнымъ правительницею Софіею Алексѣевою съ Русской стороны и Китайскими уполномоченными, въ числѣ коихъ были іезуиты Перейра и Жербильтонъ. По этому трактату границей Россіи съ Китаемъ положена была рѣчка Горбица и Хинганскій хребетъ. Албазинъ былъ разоренъ самими Русскими и всѣ его обитатели перешли въ Нерчинскъ *). Собственно религіозныя сношенія нашего отечества съ Китайскимъ государствомъ начались только

*) См. Ibidem.

въ концѣ XVII вѣка. Но вблизи Китая и по сѣвернымъ предѣламъ Поднебесной имперіи христіанство было извѣстно гораздо прежде. Селясь въ Сибири, Русскіе вносили туда и православную вѣру. Такъ мы видимъ, что въ 1603 году крестились нѣкоторые изъ начальниковъ Чусовскихъ Вогуличей *). Въ 1620 году положено было, для успѣховъ вѣры, назначить архипастыря въ Тобольскъ **). Кириіанъ, игумень хутынской поставленный на это мѣсто, крестилъ многихъ невѣрныхъ, и построилъ нѣсколько монастырей въ разныхъ мѣстахъ своей епархіи ***).

При патріархѣ Никонѣ, пятый Сибирскій митрополитъ Сумеонъ присылалъ царю просьбу отъ 14-ти волостей Кодскихъ Остяковъ, просившихъ прислать священниковъ и иноковъ, дабы они могли просвѣтиться крещеніемъ, и въ 1653 году Царь, по настоянію Никона, грамотою повелѣлъ архіепископу устроить въ Кюндѣ монастырь и причтъ церковный съ тѣмъ, чтобы крестить Кодскихъ сибиряковъ ****).

Въ половинѣ XVII столѣтія христіанство начало проникать въ южную Сибирь и даже въ ту ея часть, которая простиралась отъ Яблонова хребта къ Востоку и называлась Дауріею. Въ 1649 году, подвиги Хабарова открыли

*) Ист. Акт. Т. 2 № 43. Т. 3. № 46; см. Т. 2. № 346.

**) Ист. Акт. Т. 3. № 93, 96.

***) Новгор. 2 лѣт. стр. 188. Ист. Иерарх. 5, 141. 250. 561. 710. Ист. Акт. 3, 141.

****) Ист. Иерарх. 4, 549 — 553. 602. 609. Ист. обзор. Сибири. Кн. 1. М. 1833, стр. 109.

путь Христіанской вѣрѣ между Даурами, Дучерами, Гюляками, Ачанами и частію Манжурами. Изъ строившихся по мѣстамъ городковъ свѣтъ вѣры распространялся между язычниками уже потому одному, что они принуждены были жить въ близкомъ сосѣдствѣ съ христіанами. А кромѣ того еще извѣстно, что въ 1651 году, послѣ сраженія съ Даурами, Хабаровъ взялъ въ плѣнъ 243 женщины и 118 дѣтей. Всѣ онѣ, безъ сомнѣнія, были крещены, потому что невозможно представить, чтобы Русскіе того времени, водворяя среди себя плѣнныхъ и осиротѣлыхъ женщинъ и дѣтей, оставили ихъ въ прежней ихъ вѣрѣ *). Тоже надобно думать и о другихъ плѣнникахъ.

Въ 1671 г. вблизи Албазина, стоявшаго на краю восточной Дауриі, построенъ былъ Спасскій монастырь, а въ самомъ Албазинѣ еще прежде того существовала приходская церковь **). Что на Китайской границѣ были крещенные не изъ однихъ Русскихъ, это видно еще изъ того, что когда въ 1665 году Русскіе и новокрещенцы оставили Албазинъ и перешли въ Нерчинскъ: то изъ числа сихъ казаковъ, *Борисъ*, предъ смертію, въ 1692 году завѣщаль, чтобы крестный сынъ его «Мунгальской породы *Васка Борисовъ*» былъ отданъ въ Троицкій монастырь на р. Тулгузкѣ ***).

Изъ этого видно, что при первомъ сближеніи Русскихъ съ Китайцами между сими послѣдними стали появляться прозелиты Христіанской вѣры.

*) См. Ист. Русск. Церк. Харьковъ. 1853. Т. 4, стр. 80. Ц. 110.

**) Ист. Акт. 4, 67—76. 454—456.

***) Ист. Акт. № 223. Сн. Ист. Русск. Церк. Харьковъ 1853. Т. 4. стр. 81.

Въ 1681 году отправлена была изъ Россіи миссія для распространенія вѣры въ западную Даурію. Проповѣдниками вѣры опредѣлены были игумень Θεодосій, іеромонахъ Макарій и съ ними нѣсколько монаховъ. Сибирскій митрополитъ Павелъ, отправляя ихъ, далъ имъ прекрасное наставленіе. «Пріѣхавъ въ Даурію,» писалъ онъ, «въ Селенгинскѣ и другихъ городахъ и острогахъ приглашать всякихъ ино-
«вѣрцевъ къ истинной Христіанской вѣрѣ православной,
«поучать со всемъ тщаніемъ и ревностію изъ Божествен-
«наго писанія и крестить во имя Отца и Сына и Св. Духа;
«приводить же къ тому Божиему дѣлу безъ всякаго тще-
«славы и гордости, съ благимъ намѣреніемъ безъ всякаго
«оскорбленія, ... опасаться, чтобы какими нибудь словами
«не отдалить строптивыхъ иноземцевъ отъ святаго дѣла» и проч. Въ то же время дано благословеніе устроить въ Селенгинскѣ монастырь Святой Троицы. Въ концѣ того же 1681 года, вслѣдствіе царскаго предложенія, соборъ Московскій *) положилъ: «Въ дальніе города, на Лену въ Дауры, «посылать людей духовныхъ, архимандритовъ, игуменовъ, «или священниковъ добрыхъ и учительныхъ, для просвѣ-
«щенія невѣрующихъ Христіанскимъ законамъ». Ревностный Селенгинскій игумень основалъ еще для временнаго пребыванія посольскій Преображенскій монастырь, близъ Картинскаго залива **).

*) Соборъ этотъ былъ въ Грановитой палатѣ при Іоаннѣ и Петрѣ и вызванъ былъ раскольниками, подъ руководствомъ Никиты. См. Предисл. къ Увѣту Дух. Листъ 53—71.

**) Ист. Акт. 5, № 69. стр. 178. 445. Собр. Зак. Т. 3. № 1541. Ист. Іерарх. 5, 645. 6, 78. Сн. Ист. Рус. Цер. Харьковъ 1853 г. Т. 4. стр. 81.

Говоря о просвѣщеніи христіанствомъ сосѣднихъ съ Китаемъ странъ, нельзя не упомянуть о подвигахъ достопамятнаго на этомъ поприщѣ іерарха Филофея Лещинскаго, митрополита Тобольскаго. Этотъ ревностный пастырь, не ограничиваясь обращеніемъ сибиряковъ, отправлялъ миссіонеровъ къ пограничнымъ сибирскимъ Монголамъ въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, старался обратить Калмыцкаго кутухту *), и глубоко сожалѣлъ о потерѣ восточной Даурии, уступленной Китаю, потому что это полагало преграду, ревности его по вѣрѣ.

Въ 1711 году, отказавшись отъ митрополитской кафедры и принявъ въ Тюменскомъ монастырѣ схиму подъ именемъ Θεодора, онъ еще съ большею свободою посвятилъ себя распространенію вѣры. Въ продолженіе апостольской своей проповѣди, окончившейся въ 1721 году вторичнымъ удаленіемъ въ обитель — онъ успѣлъ обратить ко Христу до 40,000 Остяковъ, Вогуловъ, Татаръ, Тунгусовъ и другихъ инородцевъ, и поставилъ для нихъ 37 церквей **).

Между прочимъ въ 1718 и 1719 годахъ этотъ блаженный просвѣтитель Сибири, не смотря на дряхлость лѣтъ, путешествовалъ съ проповѣдію вѣры въ Иркутскъ, за Байкаль, по рѣкамъ Ангарѣ, Тунгускѣ и Кети. Такимъ образомъ предѣлы Китая съ Русской стороны оглашены были христіанскою проповѣдію.

Болѣе же другихъ мѣстностей имѣеть значенія въ

*) Кутухта — первосвященникъ у Калмыковъ.

**) Ист. Іер. 1, 234. Голикова о Петрѣ Великомъ 3, 159. Das veränderte Russland, Frankfurt 1721 S. 209 — 215. Ист. обозр. Сибири. 1, 358—362.

исторіи православнаго христіанства на границахъ Китая и въ самомъ Китаѣ — Албазинь.

Этотъ укрѣпленный городъ подь 122" долготы и 54" широты, на лѣвомъ берегу рѣки Амура, въ 180 верстахъ отъ соединенія Шилки и Аргуня; построенъ Русскими казаками и промышленниками, съ помощію ушедшаго изъ Китая Мандарина князя Гайтимура, въ 1651 г., если еще не ранѣе *).

Мѣсто это, какъ видно, очень нравилось Русскимъ, потому что, не смотря на частыя безпокойства со стороны Китайцевъ, которые однажды даже разорили Албазинь со всѣмъ, — наши казаки снова возстановили и укрѣпили его и держались въ немъ до Нерчинскаго трактата, защищаясь отъ Китайцевъ часто съ весьма небольшими силами (**). Для насъ въ особенности важно то, что въ Албазинѣ была, какъ мы видѣли уже, православная церковь ***). У одного изъ современныхъ писателей нашихъ упоминается еще іермонахъ Ермогенъ, основатель албазинскаго монастыря, и прибавляется, что онъ (іермонахъ) взятъ былъ изъ Киренскаго острога въ 1665 году ****).

Живя въ сосѣдствѣ съ Манджуро-Китайскими подданными, Албазинцы нерѣдко вступали съ ними въ ссоры и драки за пашни, скоть и звѣриную ловлю, и нерѣдко дѣ-

*) См. Encycl. Method. Geogr. Т. I. р. 32. Сп. Кр. всеобщ. Геогр. Обод. Изд. 3-е стр. 187. Сп. Труд. Б. А. 1860. Кн. 4. стр. 297.

**) См. Современникъ 1858 г. Кн. 10-я, стр. 268 и 269. Сп. Сынъ Отеч. 1848 г. Кн. 9. Подв. Русск. на Ам.

***) Труды Б. А. 1860 г. Кн. 4, стр. 297.

****) См. Ист. Русск. Церк. Харьковъ. 1853. Т. 4. стран. 80.

лали на ихъ селенія нападенія, сопровождавшіяся опустошеніями и убійствами. По этому, еще Хунъ-хи, первый императоръ настоящей Манджуро-Китайской династіи (Цинь), отправлялъ въ 1651 году къ Албазину тысячную армію для прекращенія безпокойствъ и безпорядковъ въ этой странѣ. Разогнавъ безпокойныхъ сосѣдей, армія нѣкоторыхъ изъ нихъ увела военноплѣнными въ Пекинъ; но крѣпости Албазинской, такъ какъ она стояла на свободной, нейтральной землѣ, армія эта не разорила и тѣмъ дала возможность повторяться прежнимъ безпорядкамъ. Лишь только удалилась Китайская армія, Албазинцы снова заняли прежнія свои поселенія, укрѣпились въ нихъ и начали по прежнему производить грабежи и опустошенія въ землѣ Мунгальской. Китайскій императоръ, узнавъ объ этомъ, сначала отнесся съ жалобой къ Русскому правительству; но, не получивъ удовлетворенія, ни даже отвѣта, въ 1684 году послалъ своего военачальника Ланъ-таня съ 3,000 (по другимъ съ 15,000 *) войска и велѣлъ разорить Албазинъ, а жителей плѣнными привести въ Пекинъ. Мандаринъ выполнилъ данное ему порученіе въ точности. Послѣ кратковременной осады, онъ взялъ крѣпость, срылъ ее до основанія и всѣхъ Русскихъ, болѣе ста душъ, жившихъ въ Албазинѣ, отвелъ военноплѣнными въ Пекинъ, гдѣ они поселены были въ сѣверо-восточномъ углу особою слободою подъ именемъ Русской Роты, или (по другимъ) Сотни **)

Для насъ особенно важно замѣтить здѣсь то, что плѣн-

*) См. Современникъ 1858 г. Кн. 10, стр. 268.

***) См. Ист. Русск. Ц. Харьковъ. 1853 г. Т. 4, стр. 84.

нымъ позволено было взять съ собою священника своего Максима Леонтьева и всю церковную утварь и иконы *).

Это было, какъ мы уже видѣли, въ 1684 году **) и важно тѣмъ, что послужило основаніемъ Русской церкви и миссіи въ Пекинѣ.

(Продолженіе будетъ.)

*) См. Труд. К. А. 1860 г. К. 4, стр. 297.

**) Ист. Русск. Ц. Харьковъ. 1853 г. Т. 4, стр. 84.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ жизни и обстоятельствахъ смерти въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича.

Въ № 114 «Сѣверной почты» помѣщена слѣдующая замѣчательная статья о послѣднихъ дняхъ жизни и обстоятельствахъ смерти въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Николая Александровича. Писалъ ее очевидецъ.

Утромъ 31 октября (12 ноября) минувшаго 1864 года встрѣчали мы въ Виллафранкѣ Государя Наслѣдника, пріѣзжавшаго тогда на фрегатѣ «Александръ Невскій» изъ Италіи, для свиданія съ Своею Августѣйшею Родительницею. Было прекрасное, тихое, теплое, солнечное утро; оно вполнѣ соответствовало настроенію души собравшихся для встрѣчи. У самаго фрегата, встрѣчаемый Ея Величествомъ, Цесаревичъ вышелъ на берегъ веселый и видимо счастливый; ласково и благосклонно обошелся со всеми. Онъ казался тогда блѣднымъ и немного утомленнымъ, но еще полнымъ жизни, силъ и красоты. Кто думалъ тогда, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ того же самаго берега, на тотъ же

самый фрегатъ, мы будемъ сопровождать — увы! — Его смертные останки!....

Два раза видѣли мы Его Высочество въ русской церкви за литургіей, въ тогдашнее кратковременное пребываніе Его въ Ниццѣ; два раза молились вмѣстѣ съ Нимъ. Болѣзнь не позволяла Ему бывать въ церкви въ Его вторичный пріѣздъ сюда, о чемъ очень скорбѣлъ Почившій. «Безъ боли въ сердцѣ я не могу представить себѣ того, что въ Пасху я не буду въ церкви, не услышу тамъ пасхальныхъ пѣсней», говорилъ покойный Цесаревичъ окружающимъ Его, когда приближался праздникъ Пасхи; а между тѣмъ болѣзнь все еще не позволяла Ему разогнуться и стоять долго на ногахъ (Цесаревичъ ни за что не хотѣлъ сидѣть въ церкви). Ему предложили помѣститься въ креслѣ, въ особомъ отдѣленіи подлѣ алтаря, откуда Онъ могъ однако слышать всю службу, и онъ съ радостью принялъ предложеніе. Но Ему не суждено было имѣть это утѣшеніе: съ шестой недѣли великаго поста Ему стало гораздо хуже; открылись сильная головная боль, рвота, бессонница, нервное разстройство. И однако Болящій жилъ духомъ въ церкви: вечеромъ въ Лазареву субботу помнилъ, что въ церкви совершается всенощная, и когда послѣ оной Ему принесена была освященная верба, Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ и радостію принялъ ее.

Грустно, тяжко стало на сердцѣ у русскихъ. Теперь каждый изъ нихъ, готовясь молитвенно воспоминать страданія Спасителя, носилъ въ своемъ сердцѣ и какъ бы самъ переживалъ страданія Цесаревича. Слабая надежда, что больному будетъ лучше отъ перемѣщенія съ берега моря въ виллу Бермонъ, жила не долго: въ Великую субботу,

утромъ, между русскими разнеслась страшная вѣсть, что въ положеніи Наслѣдника явилась опасность, и каждый видѣлъ подтвержденіе этой вѣсти въ томъ, что въ этотъ день за обѣдней Ея Величество тихо, но много плакала. Каждый плакалъ и горевалъ духомъ вмѣстѣ съ Нею; радость предстоящаго праздника была помрачена глубокою печалью.

Но въ Свѣтлый праздникъ за утреней и за обѣдней и послѣ нихъ у Себя дома Ея Величество казалась спокойнѣе и веселѣе: радость христіанки взяла верхъ надъ скорбью матери. Къ тому же, въ Пасху, утромъ, въ положеніи Великаго Князя послѣдовало замѣтное облегченіе. — «Для радостнаго праздника Господь послалъ Мнѣ утѣшеніе: Наслѣднику стало гораздо лучше, опасность миновалась, и для Меня сегодня двойной праздникъ», говорила Государыня Императрица въ 11-мъ часу утра, въ Пасху. Радость Царицы была радостью для всѣхъ русскихъ. Всѣ собрались въ церковь къ пасхальной вечернѣ благодарить, вмѣстѣ съ Нею, Создателя.

Но — увы! — радость была непродолжительна. На другой день, въ понедѣльникъ, утромъ, въ исходѣ 10-го часа, когда священникъ готовился начинать обѣдню, прибыла въ церковь Великая Княжна Марія Александровна вся въ слезахъ: Цесаревичу стало худо, снова явилась опасность, еще бѣльшая той, какая была за день предъ тѣмъ. Необходимо было напутствовать Болящаго св. Таинствами.

Взявъ св. Дары, священникъ отправился въ виллу Бермонъ. Больной не подозрѣвалъ, впрочемъ, еще опасности Своего положенія, не зналъ и о прибытіи священника;

нужно было приготовить Его: иначе, подавъ Ему внезапно мысль объ опасности, можно было усилить припадокъ болѣзненнаго кризиса.

Задача была не легкая: Государыня Императрица взяла ее на Себя. — «Поѣзжайте въ церковь — сказала Она священнику — отслужите обѣдню, а послѣ обѣдни снова приѣзжайте сюда. Я, между тѣмъ, приготовлю больного».

Сердце Матери съумѣло приготовить сердце Сына, не наводя Его на мысль объ опасности. «Ты желалъ — сказала Императрица Наслѣднику — приобщиться св. Таинъ вмѣстѣ со всѣми Нами въ великомъ посту: Богу не угодно было, чтобы исполнилось это Твое желаніе; Ты желалъ потомъ приобщиться въ первый день Пасхи: болѣзнь снова помѣшала Тебѣ идти въ церковь. Сегодня — второй день Пасхи; сегодня, по православному обычаю, приобщаются дѣти, и, вѣрно, въ настоящую минуту, ихъ много въ церкви; теперь идетъ обѣдня. Не хочешь ли и Ты теперь же исполнить этотъ священный долгъ?»

— Но вѣдь Я не говѣлъ, Я не готовился — возразилъ Цесаревичъ, — какъ же Я рѣшусь приступить теперь къ святѣйшему и величайшему таинству?

«Болѣзнь приготовила Тебя — отвѣчала Императрица: Твои страданія замѣняютъ для Тебя говѣніе».

— Но выносилъ ли Я ихъ — сказалъ больной — съ достаточнымъ терпѣніемъ? Правда, Я не ропталъ и не задавалъ Себѣ вопроса, за что Господь послалъ Миѣ такое испытаніе, но сознаю, что заслужилъ его.

Когда, послѣ литургіи, за которою вся церковь плакала навзрыдъ и горячо молилась о Страждущемъ, снова прибылъ въ виллу Бермонъ священникъ съ

объденными св. дарами, Цесаревичъ былъ уже готовъ принять его. Онъ исповѣдался съ совершеннымъ сознаниемъ, въ полной памяти, съ глубокою и теплою вѣрою. «Поручаю Себя безконечному милосердію Божию», сказалъ Онъ, когда, послѣ исповѣди, духовникъ говорилъ Ему о благости и всеисцѣляющей силѣ Божіей.

Больнаго очень смущало то, что Онъ долженъ былъ приобщаться въ постели и лежа; «но видитъ Богъ — сказалъ Онъ — что Мнѣ очень трудно, даже невозможно встать».

Разборчиво, ясно, съ глубокимъ умиленіемъ и со слезами на глазахъ повторялъ Онъ за священникомъ слова предпричастной молитвы: «Вѣрую Господи и исповѣдую... Вечери Твоя тайныя...» и т. д. Святая радость свѣтилась въ Его взорѣ, когда, приобщившись св. Таинъ, слушалъ Онъ молитвы по причащеніи. Во все это время Императрица молилась, стоя на колѣняхъ, у кровати Больнаго и скрывая Свои слезы, чтобы не смутить ими Цесаревича...

Затѣмъ начались тяжкіе, томительные дни, въ продолженіе которыхъ жизнь боролась со смертію, надежда со страхомъ. То съ быстротою молніи разносилась между русскими вѣсть, что Больному стало лучше, что явилась надежда — и лица всѣхъ сіяли радостью; то, чрезъ нѣсколько часовъ, эту вѣсть смѣняла другая, противоположная ей — и во взорахъ всѣхъ можно было читать глубокую печаль. Не было между русскими въ эти дни другаго разговора, кромѣ разговора о Болящемъ Цесаревичѣ и Его Августѣйшей Матери. «Каково Наслѣднику? какъ Императрица?» вотъ вопросы, отвѣчать на которые постоянно приходилось тѣмъ, кто имѣлъ возможность

видѣть и слышать то, что происходило въ комнатахъ Страждущаго. На вопросы о Наслѣдникѣ отвѣты, какъ мы сказали, были различные; но на вопросъ объ Императрицѣ отвѣтъ былъ всегда одинъ: «Ея Величество не отходитъ отъ комнаты Больнаго, прислушивается къ каждому Его слову, къ каждому Его стону; Она почти забыла о снѣ и пищѣ, молится и плачетъ, плачетъ и молится. Но Господь видимо подкрѣпляетъ Ее».

Два раза въ день, утромъ, въ 10 часовъ, и вечеромъ въ 7 часовъ, собирались русскіе, вмѣстѣ съ членами Царственной Семьи, въ церковь молиться о Болящемъ. Многіе, не довольствуясь этими общими молитвенными собраніями, приходили сюда и въ другіе часы дня, чтобы въ частной молитвѣ излить предъ Богомъ свою печаль или укрѣпить свою надежду. Усердны, теплы, единодушны были эти молитвы! Онѣ несомнѣнно шли къ Престолу благодати, потому что шли прямо изъ вѣрующихъ и глубоко любящихъ сердець, и если Господь не преклонился на нихъ, то, вѣрно, въ премудрости и благости Своей, Онъ судилъ иначе, *лучше что предзрѣлъ* о Томъ, за кого приносились эти молитвы. Преклонимся со смиреніемъ предъ Его неисповѣдимыми судьбами!

На Святой прибыли въ Ниццу Члены Императорской Фамиліи: сначала Великая Княгиня Марія Николаевна, потомъ Великій Князь Александръ Александровичъ и наконецъ, въ субботу, въ третьемъ часу по полудни, Его Императорское Величество Государь Императоръ, въ сопровожденіи Великихъ Князей Владимира Александровича и Алексія Александровича. Вмѣстѣ съ ними прибыла и Высоконареченная Невѣста покойнаго Цесасевича, съ Своею Матерью.

Почти все, что было русскаго въ Ниццѣ, собралось на станці желѣзной дороги встрѣчать Своего любимѣйшаго Государя, Который пріѣзжалъ принять послѣдній вздохъ Своего Первенца и Наслѣдника. Физическое утомленіе и глубокая скорбь были написаны на Его лицѣ. «Господи, спаси, утѣши и подкрѣпи Царя!» было у всѣхъ, если не на устахъ, то на сердцѣ. Всѣ радовались, если только можно было радоваться въ эти минуты, и благодарили Бога за то, что Императоръ будетъ еще имѣть утѣшеніе застать въ живыхъ Наслѣдника.

Газеты уже говорили о подробностяхъ свиданія Ихъ въ субботу вечеромъ и въ воскресенье (Томино) утромъ. По разсказамъ очевидцевъ, особенно трогательно было это послѣднее свиданіе, когда Цесаревичъ, пользуясь въ послѣдній разъ въ жизни полнымъ сознаниемъ, узналъ своихъ Августѣйшихъ Родителей, безсчетное число разъ цѣловалъ ихъ руки, называлъ ихъ самыми нѣжными именами; узналъ всѣхъ своихъ близкихъ; узналъ и ласкалъ Свою Невѣсту, столь достойную Его любви и, съ самой первой минуты своего пріѣзда, расположившую къ себѣ сердца всѣхъ.

Но минуты Цесаревича были сочтены; было очевидно для всѣхъ, что Ему не долго уже остается жить. Въ 7-мъ часовъ утра (въ воскресенье) послали за священникомъ, чтобы еще разъ причастить Болящаго и затѣмъ прочитать Ему отходныя молитвы. Чтобы въ праздникъ, и особенно въ то время, когда для русскихъ такъ нужно было утѣшеніе молитвы, церковь не осталась безъ обѣдни, священникъ послалъ въ Виллафранку просить одного изъ священниковъ русской эскадры отслужить литургію, вмѣсто

фрегатской церкви, въ городской, а самъ поспѣшилъ на зовъ. Было около 9-ти часовъ утра, когда Его ввели въ комнату Умирающаго. Цесаревичъ лежалъ спокойно, не переставая обводить глазами всѣхъ присутствующихъ, и безпрерывно повторяя: «Прощайте, прощайте, прощайте!» Было очевидно, что Онъ имѣлъ еще сознание того, что дѣлалось вокругъ Него, только уже неполное и неясное сознание. Но во все это время улыбка не сходила съ Его усть, и до такой степени спокойна, тиха, радостна была эта улыбка, что, казалось, Онъ видѣлъ предъ собою свѣтлаго ангела, что этою улыбкою Онъ привѣтствовалъ ожидавшія Его радости другой жизни!

На вопросъ священника: «Желаете ли Вы приобщиться?» Онъ, тихо, но ясно и внятно отвѣчалъ: «Да». На этотъ разъ Цесаревичъ не могъ уже исповѣдаться; да исповѣдь, вѣроятно, не была и нужна послѣ принесенной Имъ нѣсколько дней тому назадъ полной и чистой исповѣди: безропотныя, ангельски-терпѣливыя страданія, безъ сомнѣнія, въ эти нѣсколько дней, еще болѣе очистили Его юную, вѣрующую душу. Когда, при чтеніи разрѣшительной молитвы, священникъ возложилъ на Его голову епитрахиль, Онъ взялъ ее и крѣпко, крѣпко прижалъ къ Своей груди, такъ что нужно было нѣкоторое усиліе, чтобы отнять ее. Во время молитвы: «Вѣрую Господи...» Цесаревичъ не переставалъ креститься, и затѣмъ крѣпко, съ вѣрою и любовью поцѣловалъ чашу, изъ которой приобщился Источника жизни. Во время чтенія молитвъ по причащеніи, Онъ также не переставалъ креститься и молиться. Вслѣдъ за этимъ Цесаревичъ затихъ. Нужно было дать Ему покой. Всѣ оставили комнату Умирающаго.

Между тѣмъ какъ Наслѣдникъ покоился, или, точнѣе сказать, оставался въ полузабытїи, Императоръ и Императрица также хотѣли облегчить молитвою Свои скорбящія сердца: Они пожелали отслужить молебствіе о Болящемъ. Молебенъ служили въ кабинетѣ Его Величества, въ нижнемъ этажѣ виллы Бермонъ. Это было въ исходѣ 12-го часа дня. Трудно изобразить скорбь и слезы присутствующихъ за молебномъ, особенно скорбь и слезы Ихъ Величествъ! Это были обильныя, горькія, святыя слезы! И если Господь, видѣвшій, конечно, эти слезы, и не перемѣнилъ рѣшенія Своихъ судебъ, то, безъ сомнѣнія, съ любовью отца взиралъ на молящихся предъ Нимъ Царя и Царицу и вливалъ въ Ихъ скорбящія сердца благодатную силу для перенесенія готовившагося имъ скоро испытанія.

А между тѣмъ Цесаревичъ продолжалъ оставаться въ полузабытїи. Доктора употребляли всѣ усилія, чтобы какъ можно долѣе поддержать Его догоравшія силы. Въ началѣ 2-го часа даже промелькнулъ какой то слабый лучъ надежды: сказали, что если, послѣ принятаго лѣкарства, Наслѣдникъ заснетъ хоть на полчаса, этотъ живительный сонъ можетъ, если не совершенно, то по крайней мѣрѣ, надолго удалить угрожающую катастрофу.

Утопающій хватается за соломенку. Такъ и тутъ: не смотря на всю шаткость поданной надежды, всѣ ухватились за нее. Въ домѣ водворилась мертвая тишина. Въ эти минуты можно было подумать, что онъ необитаемъ, а между тѣмъ въ немъ всѣ оставались на своихъ мѣстахъ, тихо плакали и молились. Въ одной изъ комнатъ верхняго этажа, нѣсколько вѣрнѣе вѣрующихъ душъ собрались вмѣстѣ

и съ мыслью о Болящемъ въ полголоса читали молитвы на сонъ грядущій.

Но Больной не заснулъ — и послѣдній лучъ надежды погасъ. Въ исходѣ 3-го часа показалось, что наступилъ смертный часъ. Всѣ собрались въ комнату Умирающаго. Императоръ и Императрица стали на колѣняхъ у кровати; посреди Ихъ Принцесса Дагмара; священникъ началъ читать канонъ на исходъ души. Умирающій не обнаруживалъ никакихъ особенныхъ страданій; напротивъ, Онъ продолжалъ по прежнему спокойно улыбаться, но уже не произносилъ ничего, а только постоянно разводилъ руками. Послѣ канона на исходъ души, священникъ, по желанію Императрицы, читалъ акаѣистъ Спасителю, канонъ Божіей Матери, поемый во всякой скорби душевной, и разныя мѣста изъ Евангелія, отмѣченныя Его рукой въ Его собственномъ Евангеліи, и особенно близкія и отрадныя для скорбящей души. *Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте* — этими словами начиналось чтеніе изъ Евангелія. Такъ прошло болѣе часу. Молодая жизнь упорно боролась со смертью и еще разъ отвратила на нѣсколько часовъ ея послѣдній ударъ. Искра жизни снова засвѣтилась въ глазахъ Умирающаго. Чтобы освѣжить комнату, опять оставили ее всѣ, кромѣ Императора и Императрицы, Которые съ этой минуты почти до самаго конца уже не отходили болѣе отъ кровати Своего умирающаго Сына. Отъ времени до времени больному давали оживляющіе порошки. Около 7-ми часовъ вечера снова собрались всѣ; но жизнь еще разъ взяла верхъ надъ смертію.

Наконецъ, въ 10 часовъ вечера, началась явно предсмертная агонія. На этотъ разъ — увы! — не оставалось

уже болѣе никакого сомнѣнія, что наступилъ роковой часъ. Около смертнаго одра собрались всѣ близкіе. По одну сторону кровати, у изголовья, помѣстилась Императрица; у ногъ Умирающаго Императоръ; между ними — Невѣста, держа за руку своего умирающаго Жениха; напротивъ Нея, по другую сторону кровати, стоялъ Великій Князь Александръ Александровичъ, держа другую Его руку. Прочіе Члены Царственной Семьи стояли также подлѣ; остальные всѣ — за ними, на пространствѣ всей комнаты. Всѣ стояли на колѣняхъ и, сдерживая свои рыданія, хранили благоговѣйное молчаніе, прерываемое только голосомъ священника, который читалъ Евангеліе и приличныя времени молитвы. Умирающій лежалъ спокойно, съ закрытыми глазами, нѣсколько согнувшись и немного на правомъ боку. Онъ дышалъ тяжело и, отъ времени до времени, издавалъ болѣзненные стоны. Но не было замѣтно никакихъ предсмертныхъ конвульсій, никакихъ болѣзненно-судорожныхъ движеній тѣла. Такъ прошли томительные, ужасные 11-й и 12-й часы. Пробило полночь; наступилъ понедѣльникъ. Въ половинѣ 1-го часа стоны прекратились; ихъ замѣнило предсмертное хрипѣніе. Императоръ и Императрица тихо плакали, молча крестили умирающаго Сына и, сдерживая свое дыханіе, готовились принять Его послѣдній вздохъ. Вдругъ Умирающій быстро выпрямился на кровати во весь ростъ, повернулся немного на спину; затѣмъ еще нѣсколько дыханій — все тише, тише, и наконецъ Его не стало!... Юная, вѣрующая, чистая, полная самыхъ добрыхъ и благородныхъ чувствъ и намѣреній, общавшая такъ много добра Россіи, душа Цесаревича отлетѣла въ въ другой лучшій міръ. Наслѣдникъ одного изъ Высочай-

шихъ и могущественнѣйшихъ престоловъ земныхъ погинуль землю, чтобы воспріять уготованное Ему Отцемъ Небеснымъ иное, лучшее царство...

Было 12 часовъ и 50 минутъ ночи.

Есть минуты, о которыхъ до конца жизни вспоминается какъ о самыхъ горькихъ, самыхъ трудныхъ минутахъ жизни. Такова, безъ сомнѣнія, была эта минута для Августѣйшихъ Родителей Почившаго и для Той, Которая думала быть долго счастливою съ Тѣмъ, Котораго не стало. Не рѣшаемся описывать Ихъ скорби; скажемъ только, что, при всей своей неизмѣримости, эта скорбь была тихая, христіанская, полная смиренной покорности Господу жизни и смерти.

Императоръ оторвалъ Императрицу отъ раздиравшаго Ея душу зрѣлища и, поддерживая Ее, увелъ въ сосѣдную комнату.

Чрезъ часъ при тѣлѣ Почившаго началось чтеніе Евангелія, и, безъ сомнѣнія, въ большей части домовъ, занимаемыхъ русскими, приносилась уже теплая молитва объ успокоеніи Его души. Роковая вѣсть, не смотря на поздній часъ ночи, немедленно и быстро разнеслась по городу.

Цѣлый мѣсяць уже, какъ совершилось все это, цѣлый мѣсяць, какъ Россія оплакиваетъ свою невозвратную потерю, а горе чувствуется все также живо также сильно! Скоро драгоценные для русскихъ смертные останки почившаго на чужбинѣ Цесаревича, среди единодушной скорби и слезъ, будутъ опущены на родной землѣ, въ преждевременную могилу. Но долго, долго будетъ жить

память о Почившемъ, Котораго такъ любила и такъ рано лишилась Россія! Много еще слезъ будетъ пролито надъ Его могилой! Пройдетъ много лѣтъ, а образъ Почившаго — свѣтлый, прекрасный образъ — будетъ сохранять для сердець русскихъ всю свою свѣжесть, всю свою привлекательность!